

Дмитрий Емец

Меродий Буслаев

Ладья Света

Ошибка грифона

МОСКВА 2025

Методий
Буслаев

**Читайте в серии о
Мефодии Буслаеве:**

1. Маг Полночи
Свиток Желаний
2. Третий всадник Мрака
Билет на Лысую Гору
3. Мечь валькирий
Тайная магия Депресняка
4. Лёд и пламя Тартара
Первый эйдос
5. Светлые крылья для тёмного стража
Лестница в Эдем
6. Карта хаоса
Ожерелье дриады
7. Стекланный страж
Танец Меча
8. Огненные врата
Книга Семи Дорог
- 9. Ладья Света
Ошибка грифона**
10. Самый лучший враг

Дмитрий Емец

Меродий Буслаев

Ладья Света

Ошибка грифона

МОСКВА 2025

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Е60

Иллюстрация на обложке *Анны Афанасьевой*

Емец, Дмитрий Александрович.
Е60 Ладья Света; Ошибка грифона / Дмитрий Емец. —
Москва : Эксмо, 2025. — 688 с. — (Д. Емец. Мефодий
Буслаев. Легендарное городское фэнтези).

ISBN 978-5-04-186938-0

ЛАДЬЯ СВЕТА

Каждые десять лет между стражами Света и стражами Тьмы проходят опасные поединки. Место и участники остаются в тайне до самого последнего момента. Обе стороны неизбежно теряют лучших бойцов, поэтому, если ты участвуешь в боях и об этом узнают, жди сурового наказания. Но для Мефа не имеет значения, что ему грозит за проступок. Он дал слово своему наставнику, что сразится с темным стражем Джафом и отнимет у него эйдос жены Арея. Этот эйдос уже многие годы томится в ожидании спасения и Ладьи Света...

ОШИБКА ГРИФОНА

Один из грифонов сбежал из Эдема в мир людей, и всему виной Мефодий Буслаев. Теперь Темные постараются схватить магическое существо, чтобы нанести серьёзный удар защите Света. Мефу и Даф поручено либо поймать беглого грифона, либо найти ему замену. Помочь им в этом мог бы Арей, но он мертв! Мефодию предстоит отправиться в Тартар в поисках духа своего бывшего учителя...

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-186938-0 © Емец Д., 2025
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ЛАДЬЯ СВЕТА

Habent sua fata libelli (*лат.*) — «книги имеют свою судьбу».

Теренций Мавр

Так-то я лишний раз убедился, что от автора зачастую зависит только решение писать книгу или не писать ее; раз решение принято — она пишется сама и принимает ту форму, которую должна принять по внутренней необходимости.

Ф. Ф. Зелинский

Чтобы проза могла быть признана хорошей, в ней должна биться какая-то великая целостная мысль, охватывающая сразу все и существующая не столько в структуре книги, сколько в структуре вечности. Если этой мысли нет, то и стилистика, и сюжет, и диалоги, сколь бы удачны они ни были, это просто красочки в коробочке.

Йозеф Эметс

Глава 1

МЛАДЕНЕЦ УЛИТЫ

В красном доме на красной улице жил человек, у которого все было красное: красная шапочка, красная рубашка, красные носки. Он полюбил девушку, у которой все было синее. Синие волосы, синее платье, синий бант. Только нос у нее был красный. За это он ее и полюбил.

Сказка Багрова

Последняя неделя сентября выдалась неестественно теплой. Мать-природа явно что-то перепутала — отдала отделу доставки неправильное распоряжение и завезла в Москву южную осень.

Спустив с подножки мотоцикла левую ногу и поигрывая ручкой газа, Эссиорх стоял в очереди на поворот. Он пропускал ползущие мимо машины и, провожая их взглядом, вполголоса комментировал:

— Василич... Зина... Мустафа... Петя... Коля... Нет, не Коля. Все-таки Соня! И ездит как типичная соня!

Имена были не случайны и обозначали не только пол, но и манеру езды. «Василич» в классификации Эссиорха был спокойный, грамотно действующий на дороге водитель с большим опытом. «Зина» — дамочка, держащая ладони близко на руле и смотрящая на дорогу в одну точку, чуть приподняв подбородок. «Мустафа» — горячий джигит, несущийся на обмотанной скотчем тачке и тормозящий

пяткой об асфальт. «Петя» — водитель, развозящий мелкие грузы по магазинчикам и бросающий фургон где попало, чуть ли не в арках. «Коля» — новичок-первогодок, поверивший в свои силы и в свою невероятную крутизну. Очень опасный тип, втрое опаснее Мустафы. Ну а «Соня»... с Соней все понятно... Ей бы проснуться — и пусть продолжается жизнь!

Наконец в сплошном потоке машин появилась лазейка, и Эссиорх сумел прорваться. Больше его ничего не держало. Хроническая автомобильная пробка центра была мотоциклу не страшна. Эссиорх умело лавировал, пробиваясь к клинике на Чистых прудах. Откуда-то прилетел желтый лист и залепил хранителю мотоциклетные очки. Эссиорх ловко убрал его левой рукой и зубами закусил черенок так, чтобы лист трепало ветром.

Со стороны казалось, что Эссиорх совсем не нервничает, и он сам тоже так считал, но все же, пока он добрался до места, черенок оказался изжеванным, а он заметил это, лишь ощутив его горьковатый вкус.

Эссиорх оставил мотоцикл у полосатого шлагбаума, приковав его цепью к высохшему дереву, выкрашенному в зеленый цвет. За шлагбаумом начинался длинный, обсаженный тополями двор. Двор имел форму буквы «Г». Вдоль длинной палочки «Г» тянулось старое пятиэтажное строение.

Слово «РОДДОМ» было написано не на нем, а на кирпичной будке охранника, но все равно почему-то все шли не к охраннику, а в пятиэтажку. Должно быть, рожениц вел мудрый инстинкт. Эссиорха инстинкт никуда не вел, но он тоже почему-то направился в пятиэтажку.

В приемном отделении Эссиорха уже ждали. К нему метнулась молодая докторша с обкусанными лиловыми ногтями. Чтобы казаться солиднее, докторша носила узкие очки в тяжелой черепаховой оправе. Мотоциклетный вид Эссиорха ее несколько смутил, но она защитилась тем, что скрестила руки на груди:

— Ваша жена в предродовой. Вы привезли документы?

— Бумаги! А, ну да, конечно! — Эссиорх опустил на стол тяжелую папку.

Докторша моргнула. Ей казалось, что он вошел в отделение с пустыми руками.

— Да-да, спасибо, тут и анализы, и все... Простите за нескромный вопрос... ваша жена... вы давно ее знаете?

Эссиорх вежливо посмотрел на докторшу. Та смутилась и так ткнула пальцем в свои черепаховые очки, что даже голова немного покачнулась.

— Ваша жена... какая-то немного... Она всегда ест тарелки?

— Что она ест?

— Это было при мне. Печенье лежало на тарелке. Ваша жена взяла тарелку и...

— Улита переживала. Печенье круглое, тарелка тоже круглая. Я куплю вам новую! — пообещал Эссиорх.

Докторша мило улыбнулась, но на всякий случай встала так, чтобы между ней и Эссиорхом оказался стол.

— Понятно. И еще вопрос... Почему она приехала в роддом так поздно?

— Улита собиралась. Грузовик с вещами застрял в пробке.

— Еще немного — и ребенок родился бы в дороге!.. Мы пытались сделать ей укол — у нас вскипело лекарство в ампуле! А ее кожа! Об нее ломаются иглы шприцов!

— Мышцы напряжены... — предположил Эссиорх.

— Где мышцы? В коже?.. Поверьте, я могу отличить! Но главное: у вас какие-то непонятности с личными данными. Биологически это молодая женщина, а компьютер выдает, что ваша жена... — докторша испуганно посмотрела на Эссиорха и замолчала.

— Да-да, продолжайте! — сказал он ободряюще.

— ...умерла сорок лет назад...

Эссиорх с облегчением улыбнулся:

— А, вы об этом! А я уж испугался: думал, что-то серьезное! Да не умерла она! Просто на Лысой Горе на нее наложили лунатическое заклятие. Она — в Москве уже — стала бродить ночами и свалилась с двенадцатого этажа на асфальт! Сломала палец на ноге, ей было очень больно, она потеряла сознание, ее посчитали за мертвую и похоронили. А ночью Улита очнулась и вылезла из... Что с вами?

— Ничего... Не могли бы вы подождать снаружи? Я... мне надо идти!

— Я же не закончил!

— Потом... потом...

Докторша тихо попятилась и, защищаясь схваченной со стола папкой, скрылась где-то в недрах отделения. Хранитель улыбнулся. Он давно разобрался, что лучший способ, чтобы тебе не поверили, — говорить правду, и одну только правду.

Эссиорх вышел на улицу. Он так волновался за Улиту, что не мог сидеть и ходил под топодем. Рядом на скамейке помещался небольшой гладковыбритый мужичок, то и дело таинственно подносящий к губам обмотанную скотчем ручку зонтика.

— Не мельтеши, новичок! Голова от тебя болит. Хочешь? — предложил он Эссиорху, протягивая ему зонтик. Хранитель увидел, что к ручке зонтика скотчем примотана бутылка.

— Если будешь братъ, не оборачивайся и не смотри на шлагбаум. Он за нами наблюдает. Умный, блин! Тут все умные! Один ты новичок! — зашептал мужичок.

Эссиорх ощутил себя персонажем Франца Кафки:

— Кто за нами наблюдает? Шлагбаум?

Мужик с зонтиком хихикнул:

— Нет, ну разве я был не прав, когда сказал, что ты новичок? Охранник... Кстати, мы сидим именно под тем самым окном! Второй этаж! Они появляются на свет здесь! Я все досконально изучил.

— Кто появляется?

— Дети. У меня три дочери, и сегодня рождается четвертая. С точки зрения любого китайца, я абсолютно бездетный человек. Выйдут замуж и станут всякими Булкиными, Жулькиными... Представить противно!

— Так, может, не выйдут еще, — попытался утешить его Эссиорх.

— А не выйдут — еще хуже, только нервы изматывают, — мужичок снова поднес к губам ручку зонтика. — У тебя у самого-то кто? Дочь?

— Нет, — сказал Эссиорх виновато. — Не совсем.

За это «не совсем» мужичок с зонтиком посмотрел на него, как матрос на недобитого буржуя.

— Ну вот! — сказал он сквозь зубы. — Некоторым сразу везет! А то сидишь тут, сидишь!

Отец четырех дочерей нахохлился, поднял воротник пиджачка и больше зонтик не предлагал. Эссиорх отошел от него шагов на пять и, встав у тополя, стал смотреть на большое покрашенное окно с большим кондиционером справа. Кондиционер тихо гудел, из трубки под ним капала вода.

Прошел час, еще полчаса. Никаких звуков с той стороны окна не доносилось, но несколько раз в том месте стекла, где краска была содрана, образуя небольшой, с ладонь, участок, мелькали обеспокоенные лица. Кто-то выглядывал наружу, потом опять исчезал. Внутри явно происходило что-то волнительное. Эссиорху даже показалось, что там мелькнули и знакомые ему черепаховые очки.

Хранителю Сфер становилось все беспокойнее. Он то начинал ходить, то останавливался и ключом от мотоцикла ковырял кору на тополе. Эссиорх не был первым, додумавшимся до этого. На коре, если приглядеться, можно было разглядеть множество дат и имен.

Родитель четырех невест приложился к зонтику еще раз, и его потянуло на разговоры.

— Вот я люблю своих детей. А любит ли меня кто-нибудь из них? Вот в чем вопрос! — громко спросил он, обращаясь к пространству.

Пространство не отозвалось, и отвечать пришлось Эссиорху:

— А что, никто из детей вас не любит?

— Я не говорю, что не любит. Я спрашиваю: а любят ли? Вот в чем вопрос!

Эссиорх почесал щеку, пытаясь осмыслить разницу.

— Вы кто по профессии? — спросил он.

— А-а, никто! Наполняю, впрочем, стул... — без интереса протянул многодетный, изобразив на лице некую подневольную деятельность.

— А по образованию?

— Философ, — с легкой застенчивостью сказал многодетный.

— Хм... И что такое любовь с философской точки зрения? — спросил Эссиорх.

— О! — охотно отозвался отец четырех дочерей. — С философской точки зрения любовь — это высокая степень эмоционально положительного отношения, помещающего объект в центр жизненных потребностей субъекта и пробуждающая у субъекта ответное чувство того же градуса напряженности и позитивного отклика...

— Красиво!

— Да, красиво. А вот у филологов, к примеру, у тех все сложно. Они никогда до конца не знают, что такое любовь. Все ищут ее, копаются в себе, сомневаются... Пушкина обязательно приплетут... Помню чудное мгновение — не помню? Небо у нее в глазах или море?.. Вот юриста хоть ночью разбуди — он тебе оттарабанит, что юридического определения любви не существует. Есть понятие семьи в социологическом и юридическом смысле. Понятный человек!

— А биологи? — спросил Эссиорх, невольно подумав о Мефе.

— Ну, на биологов зоология давит, но все равно они ближе к филологам. Однозначно ближе! — сказал философ и стал угрюмо ковырять ногтем краску на скамейке. Он опять перестал прощать Эссиорху, что тому повезло с первого раза.

В роддоме наметилась какая-то суета. Хлопнуло окно, трубка кондиционера всплакнула грустной одинокой каплей. В полуподвале открылась служебная дверь, ведущая к лифту. Двое рабочих в черных халатах провезли на железной каталке баллон с кислородом. Ускоряя их созидательный труд, за рабочими крупными шагами шла сердитая медсестра.

Эссиорх и многодетный отец обменялись тревожными взглядами.

— А там у них чего-то того... Началось! Интересно только: у меня или у вас? Вот в чем вопрос! — многодетный уже испил свой зонтик до дна и теперь печально поглаживал его.

Форточка окрашенного окна с треском осыпалась. Раздался раздражающий душу вопль. Из родильного отделения вылетели большие ножницы и глубоко, по самые кольца, вонзились в тополь. Извлечь их человеческими силами было уже никак невозможно.

— Наверное, все-таки у вас! — сказал отец дочерей. В голосе у него впервые появилось сочувствие.

Эссиорх не ответил. Он вскинул голову высоко-высоко, глядя не на дом даже, а куда-то гораздо выше, и беззвучно зашевелил губами. Шептал он долго и так горячо, что не сразу почувствовал, как кто-то коснулся его локтя. Потом все же повернулся. Перед ним стояли те самые черепаховые очки. Правое стекло у них было треснутым.

— У вас сын! Шесть триста! — сказали очки, с торжеством глядя на Эссиорха сквозь уцелевшее стекло.

Эссиорх послушно полез за бумажником. Последнее время доставать неудачливые деньги в Москве стало совсем просто. Многим они совершенно не шли на пользу.

— Что вы делаете, папочка?! Совсем озверели?! Шесть триста — это вес младенца, — испугались черепаховые очки.

— Простите... я подумал... А жена как?

— Отдыхает.

— Она в порядке?

— Она — да. Вы сможете увидеть ее завтра, — сказала докторша и, покачиваясь, ушла.

Эссиорх пошел было за докторшей, пытаясь поймать ее за плечо, но она уже скрылась за служебной дверью. Несколько минут он простоял оглушенный, глядя то на стекло, то на небо, а потом повернулся и побрел к мотоциклу.

В тесной арочке у шлагбаума, где помещался двигавший ворота мотор, прятался гнутый человек с пришибленным лицом и гвоздикой в руке. Когда Эссиорх проходил мимо, человечек вышагнул из арки и протянул ее Эссиорху. Тот машинально взял цветок. От гвоздики пахло хвоей. Она явно была похищена с одного из кладбищ.

— С рождением сыночка, папенька! Наши поздравления! — прошептал человечек и исчез прежде, чем Эссиорх успел снести ему голову ударом кулака.